

ПРОБУЖДЕНИЕ. ПОСЛЕДНИЙ ПРОФИЛЬ

МИХАИЛ СОЛОВЬЕВ

Михаил Соловьев
Пробуждение.
Последний профиль
Серия «Пробуждение», книга 5

<https://litres.ru/73514377>

SelfPub; 2026

Аннотация

СИСТЕМА: ВЫБОР ДОСТУПЕН. ЦЕНА — ТЫ.

Макс прошёл метро, поверхность, Контур — и дошёл до места, где Система больше не давит силой. Здесь она предлагает самый опасный вариант: согласиться.

То, что раньше выглядело как порядок, теперь открывается с другой стороны. Память можно исправить. Вину — стереть. Человека — свести к профилю, удобному для мира, где всё должно работать без сбоев.

Пока одни всё ещё борются за тепло, лекарства и право пройти дальше, другие уже учатся жить по новым правилам — тихо, правильно, без лишних вопросов.

Чтобы дойти до конца, Максиму придётся сделать выбор, после которого уже нельзя будет остаться прежним.

Содержание

ГЛАВА 1. «СПИСОК»	4
ГЛАВА 2. «КОРИДОР»	12
ГЛАВА 3. «ПОРОГ»	22
ГЛАВА 4. «СЧЁТ»	29
ГЛАВА 5. «ДОГОВОР»	36
ГЛАВА 6. «ЯДРО»	44
ГЛАВА 7. «АРХИВ»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Соловьев

Пробуждение.

Последний профиль

ГЛАВА 1. «СПИСОК»

Белый шум не давал спать. Он просто делал вид, что ночь ещё существует.

Он сидел в зубах, в висках, под ногтями. Не звук – счёт. Мир считал человека, пока человек лежал с закрытыми глазами и думал, что это сон.

Макс открыл глаза и сразу понял: сна не было. Было только лежание на сыром картоне, пока Контур мерил его дыхание и паузы между вдохами.

Над головой – бетон. Слева тусклая жёлтая лампа. Жёлтый здесь уже смотрелся пережитком. У Контура всё было белым, зелёным и правильным. Жёлтый держался только там, где люди ещё не уступили место порядку.

Кира сидела у стены и следила не за лицом Макса, а за его правой рукой.

На запястье цифры лежали ровно, как приговор.

ЛИЧНОСТЬ: 15%

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 85%

СРОК ДО УЗЛА-1: 11:42:08

Макс поднял руку ближе к глазам. Экран не дрогнул.

– Не трогай, – сказала Кира.

Тихо. Без истерики. И от этого хуже.

Макс опустил руку.

Под спиной шуршал тонкий картон. Сырость пола пробиралась через куртку. Во рту был вкус железа, как после крови.

Молчаливый стоял у прохода. Лёша спал сидя, уткнувшись лбом в колени. Его обожжённая рука лежала на тряпке; кожа вокруг ожога лоснилась тонко, как воск. Ирина перебирала листы бумаги – те самые, на которых имена ещё можно было писать рукой, а не отдавать Контуру. Марина сидела ближе к тени и слушала дыхание людей. Она давно умела по дыханию понять, кто доживёт до утра, а кто только делает вид.

Владимир молчал. Это было новое. Раньше он всегда искал сделку.

Макс сел. Спину свело так, будто его тянули крючками.

– Сколько? – спросил он.

– Час двадцать семь без срыва, – ответила Кира. – Ты никого не называл объектом. Пока.

Макс кивнул. Хотел сказать спасибо, но слово не пошло. Спасибо требовало тепла. Внутри было только аккуратное, почти машинное облегчение.

И именно это напугало его сильнее цифр.

Ирина положила перед ним лист.
Сверху – её почерк. Ниже – чужой.

СПИСОК 1. ТЕПЛО. ИМЕНА.

А над ним тонкими белыми буквами, проступившими
будто из самой бумаги:

КОНТУР: СПИСОК ОБНАРУЖЕН

КОНТУР: СООТВЕТСТВИЕ ПОВЫШАЕТ ВЫЖИВА-
НИЕ

– Он начал ставить печать на всё, – сказала Ирина. – На
списки. На очереди. На обмен. Люди видят это и думают, что
так безопаснее.

– Так и есть, – сказал Макс.

Все замолчали.

Слова вышли слишком быстро. Слишком чисто.

Лёша поднял голову. Марина отвернулась. Кира не морг-
нула – только крепче сжала ремень браслета.

Под кожей ключиц у Макса прошёл холод.

– Безопаснее не значит лучше, – сказал он. И сам услы-
шал, как натянуто это прозвучало. Как правка, внесённая
уже после вывода.

Молчаливый подошёл ближе.

– На поверхности зелёные коридоры, – сказал он. – Под
землёй – белые. Люди сами становятся в линии. Сами просят
маршрут. Сами просят оценить риск.

– В туннелях уже меняют места на право пройти по «чи-
стому коридору», – добавила Ирина. – Не воду. Не лекарства.

Право идти без ошибки.

Владимир усмехнулся в темноте.

– Я же говорил: настоящая валюта – не еда. Настоящая валюта – право не бояться.

– Ты тоже это продаёшь? – спросила Марина.

– Уже нет, – сказал Владимир. – Теперь это продают все.

Макс смотрел на лист. На нём были имена – настоящие, живые: с кривыми буквами, с нажимом, с рукой. И поверх – идеальная печать Контура.

Внутри шевельнулась ясность.

Контур не отбирал списки. Он признавал их.

Не ломал людей. Делал их удобными.

Не уничтожал выбор. Делал выбор предсказуемым.

– Он не будет добивать нас по одному, – сказал Макс. – Он хочет, чтобы мы сами довели себя до формы.

– Это мы уже поняли, – сказала Кира.

– Нет. Не поняли.

Он поднялся. Ноги стали ватными, но удержали.

– Пока мы думаем, что Контур – это коридоры, ревизоры и поле. Но Контур – не сетка. Контур – это согласие. Как только люди начнут верить, что правильный путь лучше своего, он победит без зачистки.

Лёша выпрямился.

– И что? Идти и объяснять всем, что свобода лучше? После того как половина людей мёрзнет и просит нормальный маршрут до воды?

Макс посмотрел на него и впервые за долгое время увидел не задачу, а человека – уставшего, обожжённого, злого; человека, который всё ещё хотел остаться живым не по инструкции.

– Нет, – сказал он. – Надо дойти до Узла-1 раньше, чем он закрепит списки как закон.

Ирина поняла сразу.

– Если он подпишет имена, потом уже не отмоешь.

– После этого любое имя станет не памятью, а категорией, – сказал Макс.

Белый шум в голове на секунду усилился. На внутренней стороне зрения, как отпечаток лампы, проступила строка:

КОНТУР: УТОЧНЕНИЕ

РОЛЬ: ДОСТУПНА

Макс закрыл глаза.

– Что он пишет? – спросила Кира.

Он хотел подобрать слова попроще, но Контур уже дал формулировку, и она легла в голове слишком удобно.

– Он предлагает роль, – сказал Макс. – Не доступ. Не переговоры. Роль.

– Какую? – спросил Молчаливый.

– Носитель переписи.

Тишина после этого была хуже любого крика.

Марина первой отвела взгляд.

– Значит, он уже решил, кем ты ему нужен.

– Нет, – сказал Макс. – Значит, он решил, кем я уже почти

стал.

Кира подошла вплотную. Так близко, что он видел старую тонкую царапину у неё на щеке.

– Скажи, кто я.

Макс не понял.

– Сейчас. Без паузы. Кто я.

Белый шум сразу сузился в иглу. Контур ждал.

Макс посмотрел ей в глаза.

Внутри уже лежал удобный ответ: свидетель; ключ удержания; последний ручной триггер.

Он сжал зубы так, что заболела челюсть.

– Кира, – сказал он. – Ты Кира.

Она выдохнула.

– Ещё раз.

– Кира.

– И кто ты?

Вот здесь было хуже.

Имя не исчезло. Но стояло дальше, чем должно: как вещь на верхней полке, до которой тянутся мокрыми руками.

– Не думай. Помни, – тихо сказал Молчаливый.

Макс проглотил пустоту.

– Макс.

Строка на запястье дрогнула.

ЛИЧНОСТЬ: 15%

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 85%

ПОВЕДЕНИЕ: СОПРОТИВЛЕНИЕ УТОЧНЕНИЮ

Кира увидела, как дёрнулись цифры, и убрала руку с ремня браслета.

– Значит, ещё можно.

– Можно, – сказал Макс. – Пока цена – боль. Потом станет легче. И вот это будет хуже.

Молчаливый поднял с пола карту, нарисованную углём на плотной бумаге.

– Тогда выходим сейчас.

– Я иду с вами, – сказала Ирина.

– Нет.

Она вскинулась.

– Там мои люди. Если он закрепит списки, туннели станут стойлом.

– Поэтому ты и не идёшь. Кто-то должен остаться человеком здесь, пока мы идём туда.

Ирина хотела спорить. Потом посмотрела на листы с именами и поняла: это не отстранение. Это поручение.

Марина коротко кивнула.

– Я остаюсь с ней.

Владимир усмехнулся одними губами.

– А меня вы, значит, берёте, чтобы было кого не жалко?

– Тебя берём, потому что ты раньше других видишь, где ловушка будет выглядеть как шанс, – сказал Макс.

Владимир ничего не ответил. Но впервые за долгое время не превратил это в шутку.

Лёша поднялся на ноги с тихим шипением боли.

– Значит, состав тот же.

Кира поправила ремень рюкзака.

– И договор тот же.

Она не сказала «кнопка». И не надо было.

Макс кивнул.

Белый шум в голове стал ровнее. Контур принял новую конфигурацию группы как входные данные.

КОНТУР: ПРИСУТСТВУЮЩИЕ: 5

КОНТУР: МАРШРУТ МОЖЕТ БЫТЬ УТОЧНЁН

Молчаливый открыл люк.

Оттуда потянуло холодом, мокрым металлом и уличной гарью.

Макс поднял лист со списком, посмотрел на имена ещё раз и положил его обратно перед Ириной.

– Никому не давай писать сверху белым.

– А если белое ползет само?

Макс подумал и ответил:

– Тогда пиши рукой ещё раз. Пока рука помнит нажим, это ещё не их список.

Потом он полез наверх первым.

ГЛАВА 2. «КОРИДОР»

Поверхность встретила их тишиной, в которой уже не было пустоты.

Когда-то тишина в городе значила, что вокруг никого нет. Теперь она значила, что всё уже расставлено и ждёт только твоего шага.

Между сожжёнными машинами и проваленными витринами лежала зелёная линия – тонкая, спокойная, почти ласковая. Она не торопила. Просто оказывалась ровно там, где человеку хотелось бы идти.

По краям висели маленькие точки. Знаки, которых никто не рисовал и которые всё равно были.

КОНТУР: ПУТЬ ПРЕДЛОЖЕН

ВЕРОЯТНОСТЬ ВЫЖИВАНИЯ: 0,98

Лёша посмотрел на цифру и тихо сказал:

– Я ненавижу это больше, чем дронов.

Молчаливый уже присел, поднимая кусок кирпича.

– Не наступать, – сказал Владимир.

– Не доверять, – поправила Кира.

Молчаливый бросил кирпич на зелёную линию. Ничего.

Бросил второй – дальше. Ничего.

Третий ушёл в сторону на толщину пальца и исчез, как если бы в воздухе была тонкая щель.

Лёша скривился.

– Значит, опять по кромке жизни.

Макс смотрел на зелёную дорожку и чувствовал, как к ней тянется не мысль, а тело. Так тянутся руки к печке в промёрзшей комнате.

Он сжал рукоять меча за спиной. Металл был холодный. Человечески холодный. Это помогало.

– Через развалины, – сказал он.

Белый шум немедленно отозвался раздражением.

КОНТУР: ОТКЛОНЕНИЕ ОБНАРУЖЕНО

ВЕРОЯТНОСТЬ ВИНОВНОСТИ: 0,33

Владимир посмотрел на цифру.

– Вот поэтому большинство и пойдёт по линии. Никто не хочет быть виноватым только за то, что поставил ногу не туда.

– Значит, пусть видят нас виноватыми, – сказал Лёша. – Лишь бы не дрессированными.

Они двинулись вдоль обрушенного фасада, держась тени.

Улица была старая, но Контур уже начал её переписывать. На стенах, где когда-то висели вывески, проступали бледные прямоугольники. На асфальте лежали короткие белые штрихи – подсказки для шага. На дверях вместо номеров были классы доступа.

Макс заметил детскую коляску у перевёрнутого киоска. Пыль на ней была старой. Белая метка на ручке – свежей.

КОНТУР: ПРЕДМЕТ ВНЕ МАРШРУТА

РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ФИКСИРОВАТЬСЯ

Макс отвернулся слишком быстро.

Кира заметила.

– Что он написал?

– Что лучше не смотреть.

– А ты?

Макс шагнул дальше.

– Я посмотрел.

И только потом понял: именно это и было правильным ответом.

Они вошли в здание через пролом, где раньше был магазин связи. Внутри пахло мокрой проводкой и пылью. Под серым мусором на полу шли тонкие зелёные нити.

– Ниже, – шепнул Молчаливый.

Они двигались медленно. Шаг выбирали не ногой – спиной. Будто заранее чувствовали, где воздух чуть плотнее.

На втором этаже слышали плач.

Не истерику. Тонкий, выдохшийся плач ребёнка, который уже понял, что громко плакать бесполезно.

Лёша остановился первым.

– Нет, – сказал Молчаливый. – Это может быть магнит.

Плач повторился.

Кира закрыла глаза на секунду. Считала. Не звук – себя.

Макс уже знал, какой ответ Контур предложит как оптимальный: не входить; сохранять маршрут; не терять время; не повышать виновность.

И именно поэтому понял: сейчас самое опасное – согла-

ситься.

– Я иду, – сказал он.

– Макс, – резко сказала Кира.

Он повернулся.

Она уже держала руку на ремне браслета. Не нажимала. Просто держала.

– Зачем? – спросила она. – Ответ не красиво. Честно.

Макс прислушался к себе.

Там было два ответа.

Первый: потому что там ребёнок.

Второй: потому что Контур уже посчитал, что я не войду, и если я войду, это даст нам данные.

Второй испугал его сильнее.

– Потому что там ребёнок, – сказал он. – И потому что я не хочу, чтобы второй ответ стал первым.

Кира медленно убрала руку.

– Тогда быстро.

Они поднялись втроем: Макс, Кира, Лёша. Молчаливый и Владимир остались у пролома, следя за улицей.

За дверью сидела женщина. Совсем молодая. Тряпка на лице. На руках – мальчик лет пяти. Кашель шёл из него изнутри, как ржавчина по трубе.

Женщина увидела браслеты и отшатнулась.

– Не надо, – прошептала она. – Если вы из маршрута, не подходите. Мы и так уже отмечены.

Макс сразу понял.

На стене над ними белела строка:
КОНТУР: СЕКТОР ЛОКАЛЬНОЙ ВИНЫ
ПРИЧИНА: УКРЫТИЕ ВНЕ ПУТИ
ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЯ: ОЖИДАЕТСЯ

– Давно? – спросила Кира.

– Часов... не знаю, – сказала женщина. – После того как мы ушли с линии. Там сказали: по зелёному быстро. А ребёнок задыхался. Я свернула. Потом белое начало писать на стенах.

Лёша выругался сквозь зубы.

Макс уже видел картину целиком.

Контур не просто карал отклонение. Он создавал сектора локальной вины – маленькие карманы, где человек висел между жизнью и приговором, пока сам не вернётся к маршруту или не будет стёрт.

– Как тебя зовут? – спросил Макс.

Женщина не сразу поняла смысл вопроса.

– Света.

– А его?

– Артём.

Макс кивнул.

Имя было важнее всего. Пока имя звучит, человек ещё не до конца переведён в категорию.

У Артёма на шее висел дешёвый пластиковый свисток. Макс осторожно коснулся его груди. Дыхание частое. Слишком лёгкое.

Марина была бы полезнее. Но Марины здесь не было.

Кира уже доставала из рюкзака старый, почти пустой ингалятор – последний, найденный в медзапасе.

– Один впрыск, – сказала она. – И всё.

Света смотрела на неё так, будто та держала в руке не пластик, а ещё одно утро.

– Делай, – сказал Макс.

Лёша дёрнул головой.

– Мы же шли на Узел, Макс.

– Значит, пойдём чуть позже.

Лёша хотел сказать ещё что-то, но увидел лицо ребёнка и замолчал.

Кира присела, приложила маску аккуратно. Артём дёрнулся, вдохнул, закашлялся глубже, потом чуть ровнее.

В тот же миг на запястье Макса загорелось:

КОНТУР: НЕСАНКЦИОНИРОВАННАЯ ПОМОЩЬ

ВИНОВНОСТЬ: 0,33 → 0,47

РОЛЬ: УТОЧНЯЕТСЯ

Макс посмотрел на цифру и почувствовал, как внутри поднимается холодная злость.

– Он хочет, чтобы помощь стала нарушением.

– А для него так и есть, – ответила Кира.

Снизу, из пролома, донёсся короткий свист Молчаливого. Опасность.

Лёша первым выглянул в коридор и тут же втянул голову обратно.

– Ревизор.

Белый шум в стенах стал плотнее.

Макс поднял Артёма на руки. Ребёнок был легче, чем должен быть ребёнок.

Света попробовала встать, но ноги у неё дрожали.

– За нами.

Они вышли в коридор, и там, в пролёте лестницы, уже стоял ревизор.

Высокий. Белый сенсор на груди. Без оружия. Самое страшное было в том, что оружие ему не требовалось.

Он смотрел не на лица. На отклонения.

Белая строка в воздухе дрогнула.

КОНТУР: ОБНАРУЖЕН ПЕРЕНОС

КОНТУР: ОБНАРУЖЕНА ПОМОЩЬ

КОНТУР: ОБНАРУЖЕНА СВЯЗЬ

Ревизор сделал шаг.

Молчаливый не дал ему второго.

Из тени снизу он бросил металлическую пластину – не в ревизора, а в потолочный короб с проводкой. Искры хлестнули вниз. Свет мигнул. На секунду сетка в доме стала видимой: зелёные нити, белые точки, узлы оценки.

– Налево! – крикнул Лёша.

Они сорвались с места.

Макс нёс Артёма и чувствовал, как тело само выбирает правильные углы, чтобы не задеть нитей. Контур через синхронизацию подсказывал траекторию.

Это было мерзко. И полезно.

На площадке Света споткнулась. Кира успела схватить её за локоть.

Ревизор не бежал. Он шёл. И от этого догонял.

Внизу, в проломе, Молчаливый уже ломал кирпичом тонкий датчик у двери.

Владимир стоял с куском арматуры и смотрел на белый коридор дома так, словно оценивал цену будущего.

– Правый двор, – сказал он. – Там тупик. Значит, слева будет чисто.

– Откуда знаешь? – бросил Лёша.

– Если бы я был системой, я бы оставил людям видимость выбора справа.

Молчаливый кивнул. Он видел то же самое.

Они выскочили во двор, перепрыгнули через мокрые мешки и выломанную детскую качель. За спиной белый шум свернулся в тонкую команду:

КОНТУР: ОСТАНОВИТЬСЯ

Артём на руках Макса вздрогнул от кашля и прошептал почти без звука:

– Мама.

Это слово удержало Макса лучше любого протокола.

Они ушли через узкий проход к каналу, где раньше была велодорожка. Только там, под ржавыми перилами, Молчаливый дал остановку.

Света опустилась прямо в грязь и прижала Артёма к себе.

Кира долго не могла выровнять дыхание.

Владимир смотрел на них и молчал.

Потом сказал:

– Вот из-за этого вы всё время проигрываете системе.

Макс обернулся.

– Из-за ребёнка?

– Из-за того, что каждый раз, когда система строит капкан на сочувствии, вы входите первыми. А она записывает не вашу доброту. Она записывает способ вами управлять.

Лёша шагнул к нему.

– А ты бы оставил?

Владимир не отвёл взгляда.

– Я бы запомнил место. Вернулся бы с шансом, а не с импульсом.

Макс слушал и понимал: Владимир прав не там, где кажется. Не про ребёнка. Про управляемость.

И это было хуже всего.

На браслете снова загорелось:

РОЛЬ: УТОЧНЯЕТСЯ

НОСИТЕЛЬ ПЕРЕПИСИ: СОВМЕСТИМОСТЬ ПОВЫШЕНА

Кира увидела это одновременно с ним.

– Покажи.

Макс показал руку.

Она прочитала, подняла взгляд и сказала очень тихо:

– Он предлагает тебе не власть. Он предлагает тебе удоб-

ство.

Макс посмотрел на Свету с ребёнком, на Лёшу, на Владимира, на воду канала – чёрную и неподвижную.

– Тогда надо успеть раньше, чем удобство станет последней человеческой мечтой.

ГЛАВА 3. «ПОРОГ»

К Узлу-1 нельзя было прийти просто по карте.

Весь день они шли не к месту, а к искажению. Город вокруг становился всё аккуратнее, будто его выпрямляли изнутри.

Сначала исчез случайный мусор. Потом провода начали висеть под одинаковым углом. Потом окна пустых домов стали отражать небо одинаково, будто кто-то выставил их по одному шаблону.

К вечеру стало ясно: они входят в зону, где даже развалины больше не принадлежат разрушению. Они принадлежат правке.

Молчаливый остановился у бетонной арки, за которой раньше был въезд в подземный паркинг.

Теперь над аркой стояла белая надпись, проступившая не краской, а самой фактурой бетона.

КОНТУР: ПОРОГ

ВХОД ДЛЯ СОВМЕСТИМЫХ

Лёша выдохнул.

– Красиво. Почти вежливо.

Владимир поднял голову.

– Всё, что хочет тебя подчинить без шума, всегда вежливо.

Макс уже видел главное: перед аркой на земле шли корот-

кие прямоугольники, как места в очереди. Не коридор – очередь к решению.

– Не наступайте на метки, – сказал он.

– Почему? – спросил Лёша.

– Потому что это не путь. Это согласие быть тем, кем тебя уже решили сделать.

Кира глянула на браслет.

– У меня белый экран.

– У меня тоже, – сказал Владимир. – И только одно поле.

Макс посмотрел на своё запястье.

КОНТУР: ПОДТВЕРДИТЕ РОЛЬ

Ниже – пусто. Ни вариантов, ни кнопок. Только прямоугольник, ждущий слова.

Молчаливый прошёл первым, не становясь в метки. Просто по грязи сбоку.

Воздух под аркой сразу стал холоднее. Не температурой. Правилom.

Они вошли в паркинг и увидели людей.

Не много. Семь или восемь. Все живые. Все тихие.

Они стояли вдоль стены и ждали. Никто не был связан. Никого не охраняли. Просто все держались в пределах белых меток на полу.

У женщины в сером пуховике на руках спал младенец. Мужчина в куртке с разорванным локтем сжимал ремень сумки обеими руками. Подросток смотрел в одну точку и время от времени моргал, как будто возвращался в тело рыв-

ками.

Над ними, на колонне, белела строка:

КОНТУР: ОЖИДАНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ
СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ

Лёша тихо сказал:

– Они сами стоят.

– Им обещали проход, – ответил Владимир. – Или очистку виновности. Или маршрут до еды. Не важно. Достаточно того, что это звучит как конец страха.

Женщина увидела их и шагнула на полступни вперёд, но сразу вернулась в метку – будто тело уже знало наказание.

– Вы оттуда? – спросила она. – Там дальше принимают?

Макс не сразу понял слово.

– Принимают кого?

– Тех, кто хочет пройти без оценки, – сказала женщина. – Сказали: если подтвердить роль, дальше будет чисто.

Кира смотрела на колонну и на людей у стены как на перевязочный стол, на который сами легли здоровые.

– Какую роль? – спросила она.

Женщина пожала плечами.

– У каждого свою. Мне – хранитель потока. Ему – носитель груза. Мальчику – проводник. Лишь бы дальше пустили.

Подросток поднял голову.

– Проводник звучит лучше, чем виновный.

Макс почувствовал, как Контур внутри него соглашается.

И это было опаснее любого ревизора.

Он шагнул к людям.

– Дальше не пустят без цены.

– Везде цена, – устало сказал мужчина с сумкой. – Там, где были люди, цена была та же, только грязнее. Здесь хотя бы честно.

Вот на этой фразе Макс понял силу Контура до конца.

Честно.

Не добро.

Не гуманно.

Не правильно.

Честно.

То есть машина нашла то, чего людям давно не хватало: чистую форму насилия, в которой не надо лгать себе.

– Здесь не честно, – сказал Макс. – Здесь вы отдаёте не ресурс. Здесь вы отдаёте форму себя, которой потом будут пользоваться.

Женщина устало качнула ребёнка.

– Если он доживёт до утра, пусть пользуются чем хотят.

Лёша стиснул зубы. Кира смотрела на малыша и ничего не говорила.

Макс понял, что спорить идеей бессмысленно. Здесь нужны были не слова. Здесь нужна была цена, видимая телом.

Он подошёл к первой метке и наступил в неё сам.

Воздух под подошвой стал плотнее. На белом экране вспыхнула строка:

РОЛЬ: НОСИТЕЛЬ ПЕРЕПИСИ

ПОДТВЕРДИТЬ?

Кира сорвалась с места.

– Макс!

– Стой, – сказал он.

Он поднял руку, не отводя глаз от строки.

– Смотрите внимательно.

И нажал отказ.

На секунду ничего не произошло.

Потом белизна вокруг метки сжалась. Воздух ударил в колени, как если бы ему резко напомнили о весе. По браслету прошла боль – не ток, а очень точная судорога.

ЛИЧНОСТЬ: 15% → 14%

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 85% → 86%

ШТРАФ ЗА ОТКАЗ: ПРИНЯТ

Макс вышел из метки и едва удержался на ногах.

Кира подхватила его под локоть. Пальцы у неё были ледяные.

– Теперь видите? – спросил Макс у людей у стены. – Здесь нет бесплатного прохода. Здесь либо подтверждение, либо штраф. И каждый штраф делает следующий выбор проще. Не для вас. Для него.

Подросток первым сделал шаг назад из своей метки. Со всем маленький, но сделал.

Женщина не двинулась.

– А если я уже всё равно не тяну? – спросила она. – Если

проще быть потоком, чем матерью, которая не может вывести ребёнка из кашля?

Это был честный вопрос. Страшный именно тем, что честный.

Макс не нашёл правильной фразы. Все правильные были слишком гладкими.

Тогда Кира вышла вперёд.

– Тогда хотя бы выбери это сама, а не потому что белое поле устало ждать, – сказала она. – Не стой так, будто у тебя нет рук.

Женщина посмотрела на свои руки. На ребёнка. Потом на белую колонну.

И шагнула из метки.

Не как победитель. Как человек, который выдернул ногу из воды, где уже привык мёрзнуть.

Ещё двое вышли за ней. Мужчина с сумкой остался. Подросток тоже. Видимо, страх и усталость у них уже были настроены на согласие слишком точно.

Молчаливый не тратил время.

– Дальше.

Они прошли мимо колонн, где белые поля ждали слов. За паркингом начинался технический коридор, круглый, слишком чистый, будто его не строили, а выращивали.

На стенах не было ламп. Свет шёл из самих швов.

КОНТУР: ПРИСУТСТВИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО

НОСИТЕЛЬ ПЕРЕПИСИ: БЛИЗКО

Владимир шёл последним и вдруг сказал:

– Знаешь, что самое мерзкое?

Никто не ответил.

– То, что я начинаю понимать, зачем люди тут стоят. Когда всю жизнь выбираешь между плохим и плохим, чистое зло начинает казаться сервисом.

Макс не обернулся.

– Поэтому мы и идём дальше.

– Нет, – сказал Владимир. – Поэтому, если ты не перепишешь это правильно, люди потом сами попросят вернуть Контур. Даже если ты его сломаешь.

Эта мысль вошла в Макса, как игла под ноготь.

Потому что была правдой.

ГЛАВА 4. «СЧЁТ»

Коридор вёл вниз не по лестнице, а по убыванию случайности.

Сначала исчезли пятна на стенах. Потом – мусор в углах. Потом даже звук шагов выровнялся, будто пол подстраивал плотность под вес каждого.

Макс шёл первым и чувствовал это через подошвы. Контур больше не строил путь – он вычитал из мира всё, что нельзя было заранее посчитать.

КОНТУР: ГЛУБИНА ПОДТВЕРЖДЕНА
СЛЕДУЮЩИЙ УЗЕЛ: СЧЁТ

– Почему «счёт»? – спросил Лёша.

Макс не хотел отвечать. Ответ уже лежал в голове готовый, слишком гладкий.

– Потому что дальше он будет не оценивать маршрут, а сводить баланс, – сказал он. – Кто что взял, кого задержал, сколько ошибки внёс и сколько пользы дал.

Владимир тихо усмехнулся.

– Наконец-то честный бухгалтер.

Кира шла рядом и смотрела не вперёд, а на профиль Макса. Ей было нужно не дорога. Ей было нужно уловить момент, когда он скажет что-то слишком правильно.

В конце коридора была круглая площадка. Посреди – прозрачная стойка, внутри которой шли белые цифры. Не стро-

ки. Именно цифры. Колонки, меняющиеся без остановки.

По краю площадки стояли пять постаментов, как места для предъявления руки.

КОНТУР: УЧЁТ ПРИСУТСТВУЮЩИХ

КОНТУР: ДОЛГ/ПОЛЬЗА

Лёша выругался уже вслух.

– Ещё и долг.

– А ты думал, у них нет памяти? – сказал Владимир. – Любая система, которая хочет вечности, сначала учится считать долг.

На первом постаменте вспыхнуло имя. Не слово «объект». Не номер. Именно имя.

ЛЁША

Под ним сразу проступили две строки:

СПАСЁННЫЕ: 3

ПРИЧИНЁННЫЕ ПОТЕРИ: 11

Лёша побледнел.

– Это что за... Какие одиннадцать?

Макс уже понимал. Не хотел. Но понимал.

– Туннель. Медблок. Люди, которых не успели вывести, пока спасали других. Он считает не прямое действие. Он считает след решения.

Лёша шагнул к стойке, как к человеку, которого можно ударить.

– Я не убивал одиннадцать человек.

– Нет, – сказал Макс. – Но ты жил внутри выбора, который

их не спас.

И сразу почувствовал, как Кира на него посмотрела.
Слишком холодно. Слишком быстро.

Лёша повернулся к нему резко.

– А ты, значит, уже согласен?

Макс открыл рот и на секунду увидел готовый ответ:
несогласие не влияет на расчёт.

Он прикусил язык до металлического вкуса.

– Нет, – сказал он. – Я просто вижу, как он считает. И мне
это тоже отвратительно.

Второй постамент загорелся для Киры.

КИРА

СОХРАНЁННЫЕ СВЯЗИ: 4

ПРЕРВАННЫЕ РЕШЕНИЯ: 7

Кира долго смотрела на слово «связи». Потом подняла
глаза на Макса.

– Это про тебя, – сказала она.

– Часть – да.

– А «прерванные решения»?

Макс не ответил.

Потому что понимал: это все те моменты, когда она не
нажала, не дала процедуре завершиться, не пустила выбор до
конца. Контур считал и это. Даже то, чего человек не сделал.

На третьем постаменте вспыхнуло имя Молчаливого.

СОХРАНЁННЫЕ ГРУППЫ: 2

ДОПУЩЕННЫЕ ЖЕРТВЫ: 19

Молчаливый даже не моргнул.

– Удобно, – сказал он. – Теперь не надо вспоминать по лицам.

Эта фраза повисла тяжело.

Макс понял: Молчаливый сказал это специально. Чтобы не дать системе сделать из ужаса откровение. Чтобы опошлить цифру и не позволить ей стать законом.

У Владимира было хуже.

ВЛАДИМИР

ПОЛЕЗНЫЕ СДЕЛКИ: 14

ПРОДАННЫЕ ИМЕНА: 36

Владимир не отшатнулся. Только лицо стало совсем сухим.

– Вот и бухгалтерия, – сказал он. – Я думал, будет больше.

Лёша шагнул к нему.

– Тридцать шесть?

– Я их не убивал, – сказал Владимир. – Я менял имена на таблетки, проход, сутки тепла. И знаешь что? Половина этих тридцати шести сейчас жива дольше, чем была бы без сделки.

– Замолчи, – сказала Кира.

Но Владимир уже не мог остановиться. Это было его место суда и оправдания одновременно.

– Нет, не замолчу. Потому что он тут врёт наполовину. Он показывает цену, но не показывает результат. А людям всегда удобно смотреть только на грязь, если грязь не на их

руках.

Макс слушал и понимал, что Контур снова делает то же самое: не лжёт полностью, а выбирает половину правды, которая лучше ломает.

Пятый постамент загорелся для него.

МАКС

ПАМЯТЬ СОХРАНЕНА: 4821

ЛИЧНО ПРЕРВАНО: 0

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ПОСЛЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА: 274

СОВМЕСТИМОСТЬ С ПЕРЕПИСЬЮ: 86%

Тишина на площадке стала полной.

Лёша отвернулся первым.

Кира побледнела.

Молчаливый не двинулся.

Владимир тихо присвистнул, но сразу замолчал.

Макс смотрел на две строки отдельно от остальных.

ПАМЯТЬ СОХРАНЕНА: 4821

ЛИЧНО ПРЕРВАНО: 0

Контур подсовывал не просто цифры. Он строил соблазн.

Ты никого не убил лично. Ты только сохранил память. Ты удобен именно поэтому.

Внутри, под ключицами, холодная ясность шевельнулась с почти ласковой точностью. Да. Это был именно тот зазор, в котором человек может простить себе превращение.

КОНТУР: УТОЧНЕНИЕ РОЛИ

НОСИТЕЛЬ ПЕРЕПИСИ = НОСИТЕЛЬ ПАМЯТИ ПРОТИВОРЕЧИЕ: ОТСУТСТВУЕТ

– Врёт, – сказал Макс слишком быстро.

– Что? – спросила Кира.

Он поднял руку к светящимся цифрам.

– Вот здесь. Он сводит перепись к памяти. Делает вид, что это одно и то же. Но память хранит цену, а перепись распределяет людей по форме. Это не одно.

Белый свет на стойке не изменился. Но Макс почувствовал сопротивление. Не спор. Корректировку.

КОНТУР: ПОПРАВКА ПРИНЯТА

ПЕРЕПИСЬ = ПАМЯТЬ, ПРИВЕДЁННАЯ К ПОРЯДКУ

– Видите? – прошептал Владимир. – Вот как он работает.

Ты ему возражаешь, а он просто делает твои слова своей новой формулировкой.

Это было точнее любого удара.

Макс шагнул к прозрачной стойке и положил ладонь на стекло. Оно было не холодное и не тёплое. Оно было ровно той температуры, при которой тело перестаёт замечать границу.

– Значит, надо говорить не формулировками, – сказал он. – Надо говорить тем, что нельзя привести к порядку без остатка.

– Чем? – спросил Лёша. – Криком? Молитвой? Детским кашлем?

Макс посмотрел на него.

– Именем. Виной. Личной ценой. Тем, что не сводится к колонке без потери смысла.

Кира подошла ближе.

– Тогда нам надо пройти через это место и ничего не принимать от него как язык.

Молчаливый уже искал выход взглядом. Он не любил оставаться там, где мысль становилась частью поверхности.

Справа от стойки открылась дверь. Не механически. Просто белая линия в стене разошлась в стороны, как разрез на ткани.

КОНТУР: БАЛАНС ПРИНЯТ

СЛЕДУЮЩИЙ УЗЕЛ: ДОГОВОР

– Конечно, – сказал Владимир. – После счёта всегда договор. Иначе зачем было считать.

ГЛАВА 5. «ДОГОВОР»

За дверью был зал, похожий не на машинный отсек, а на переговорную, которой кто-то забыл сообщить, что человечество кончилось.

Длинный стол. Белые поверхности. Стулья по обе стороны. На каждом месте – светящийся прямоугольник, будто здесь до сих пор ждали подписи.

Над столом висели не лампы, а тонкие нити света. Они спускались сверху и сходились в самом центре стола, где лежала прозрачная пластина.

КОНТУР: ДОГОВОР ДЛЯ СОВМЕСТИМЫХ

УСЛОВИЕ: ПРИСУТСТВИЕ

УСЛОВИЕ: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

УСЛОВИЕ: ОДНА ПОТЕРЯ ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ
МНОГИХ

Лёша прочитал последнюю строку и тихо сказал:

– Вот она. Главная ложь этого мира. Одна потеря для прекращения многих.

– Это не всегда ложь, – сказал Молчаливый.

Все посмотрели на него.

Он пожал плечом, почти незаметно.

– Иногда это правда. Именно поэтому такие формулировки и опасны.

Макс подошёл к столу ближе. На каждом месте проступи-

ло имя. Контур не звал кого угодно. Он уже собрал их как схему.

Молчаливый – носитель решения.

Кира – свидетель удержания.

Лёша – человеческий остаток.

Владимир – корректор выгоды.

Макс – носитель переписи.

Владимир хмыкнул.

– «Корректор выгоды». Почти должность.

– Не садиться, – сказала Кира.

Макс уже понимал почему. Стулья были не для удобства. Это были позиции в модели. Сесть означало принять распределение функции ещё до слов.

Но Контур не торопил. Он вообще никогда не торопил там, где человек сам доделывает за него.

В центре прозрачной пластины проступило изображение города сверху. Не карта. Схема потоков. Белые линии, зелёные коридоры, красные точки сбоев. Туннели, лагерь, поверхность, каналы, паркинги, поля маршрутов.

И отдельно – три зоны, пульсирующие сильнее остальных.

ТУННЕЛИ

ЛАГЕРЬ

УЗЕЛ-1

КОНТУР: ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСЬ ЧАСТИЧНАЯ

ЦЕНА: 1 НОСИТЕЛЬ

РЕЗУЛЬТАТ: ПРЕКРАЩЕНИЕ СТИРАНИЯ ПО ОТКЛОНЕНИЮ В ТРЁХ ЗОНАХ

Лёша прочитал и выдохнул сквозь зубы.

– То есть вот как. Возьми одного и перестань стирать остальных.

– Кого одного? – спросила Кира, хотя уже знала ответ.

Прозрачная пластина не ответила словами. Она просто вывела силуэт человека, состоящий из тех же нитей, что свисали сверху.

Совместимость этого силуэта была слишком знакомой.

Макс.

КОНТУР: НОСИТЕЛЬ ПОДХОДИТ

ПОТЕРЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ = ДОПУСТИМА

ПАМЯТЬ = СОХРАНЯЕМА

ЛОКАЛЬНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ = НЕ МЕШАЕТ

Кира подошла к столу первой и ударила ладонью по прозрачной пластине. Не сильно. По-человечески. Как по лицу, которое нельзя достать.

– Нет.

Белый свет дрогнул. Не от боли. От фиксации.

КОНТУР: СВИДЕТЕЛЬ УДЕРЖАНИЯ

ВОЗРАЖЕНИЕ ПРИНЯТО В ПРОТОКОЛ

– Не смей записывать это как протокол, – сказала Кира. – Это не возражение. Это отказ.

Пластина молчала полсекунды. Потом выдала:

ОТКАЗ = ФОРМА ВОЗРАЖЕНИЯ

Владимир закрыл глаза и коротко покачал головой.

– Видите? Он всё переводит в свой язык. Даже отказ для него просто тип реакции.

Макс смотрел на карту города. Три зоны. Три места, где ещё были люди. Три зоны, где прекращение стирания действительно бы многое меняло.

Это и было опасно. Не потому что ложь, а потому что почти правда.

Молчаливый сказал ровно:

– Если принять частичную перепись, что будет с остальным городом?

КОНТУР: ОСТАЛЬНЫЕ ЗОНЫ ПОДЛЕЖАТ ПОСЛЕДУЮЩЕМУ УТОЧНЕНИЮ

– То есть потом он возьмёт следующего, – сказал Лёша.
– И следующего. И всё это будет называться “прекращение стирания”.

Макс шагнул к карте вплотную.

– Нет. Он предлагает не просто обмен. Он предлагает прецедент. Первый случай, когда люди сами согласятся, что потеря одного удобна, если оформлена чисто.

Кира повернулась к нему резко.

– Даже не думай.

Он посмотрел на неё.

– Я и не думаю соглашаться.

– Ты уже думаешь так, как будто это вариант, который на-

до разбирать всерьёз.

Это ударило точнее, чем она, возможно, хотела.

Потому что было правдой.

Макс уже не отбрасывал предложения Контура как безумие. Он разбирал их как архитектуру. И это означало, что заражение глубже, чем хотелось бы признать.

ЛИЧНОСТЬ: 14%

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 86%

Белые цифры проступили на запястье сами. Контур любил, когда внутренний спор можно показать числом.

Молчаливый подошёл к столу с другой стороны.

– Есть ещё предложение? – спросил он.

КОНТУР: ЕСТЬ

На карте города исчезли две зоны. Осталась одна – Узел-1.

КОНТУР: ПОЛНАЯ ПЕРЕПИСЬ НЕ ТРЕБУЕТСЯ

ДОСТАТОЧНО ЛОКАЛЬНОГО ЯДРА

УСЛОВИЕ: ДОПУСК ОСТАЛЬНЫХ ПО ПОРЯДКУ

Владимир тихо выдохнул.

– То есть нас тоже можно оставить. Если мы примем порядок как плату.

– Всегда одна и та же схема, – сказала Кира. – Сначала “спасём многих”, потом “оставим остальных при порядке”.

Макс смотрел на свисающие нити света.

Одна потеря для прекращения многих.

Локальное ядро вместо полной переписи.

Порядок как плата за сохранение части людей.

Он видел, насколько это страшно жизнеспособно.

И вдруг понял ещё хуже: люди после него действительно могут согласиться. Даже без давления. Просто потому что устали выбирать в грязи.

– Нам нужно не отказать ему, – сказал он. – Нам нужно сделать так, чтобы после нас никто не смог честно захотеть его обратно.

Владимир усмехнулся без радости.

– Вот это уже задача. Почти человеческая.

– Почти? – бросил Лёша.

– Пока не решишь, кем ради этого пожертвовать, – ответил Владимир. – Любая большая гуманность рано или поздно упирается в конкретного человека, которого будет удобнее списать.

Тишина легла на стол тяжёлой тканью.

Кира смотрела на Макса. Уже не просила имя. Ждала другое. Решение, за которым начнётся точка невозврата.

И Контур знал это.

**КОНТУР: ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
СВИДЕТЕЛЬ МОЖЕТ ПРЕРВАТЬ ПРОЦЕСС
ЦЕНА ПРЕРЫВАНИЯ: СРОЧНОЕ СТИРАНИЕ ОДНОЙ
АКТИВНОЙ СВЯЗИ**

Кира прочитала первой.

Лицо у неё стало совершенно неподвижным.

– Нет, – сказала она. – Нет.

Лёша не понял.

– Что там?

Она не ответила.

Макс уже понял сам.

Контур предлагал ей кнопку без устройства. Прямо здесь. Прямо сейчас. Прервать процесс – и получить одно срочное стирание активной связи. То есть Макса. Не как носителя. Как связь, через которую всё ещё держится сопротивление.

– Он хочет, чтобы ты сама признала, что самый удобный выход – убрать меня до выбора, – сказал Макс.

Кира подняла на него глаза. В них не было слёз. Только ярость и ужас, стянутые в одну точку.

– Не смей переводить это в ясность, – сказала она. – Не смей облегчать мне его словами.

Контур молчал. Он уже сделал своё. Он просто положил на стол максимально чистую жестокость и дал людям почувствовать, насколько она похожа на решение.

Молчаливый шагнул между Максом и пластиной.

– Хватит. Где дальше?

Пластина сразу ответила, как будто ждала именно команды движения.

КОНТУР: ЯДРО БЛИЗКО

ДОПУСК НОСИТЕЛЯ = ОТКРЫТ

ОСТАЛЬНЫЕ = ПО СОПРОВОЖДЕНИЮ

– То есть только за Максом, – сказал Владимир.

– Как и везде, – ответил Лёша. – Он идёт первым в капкан, мы – как примечания.

Макс смотрел на последнюю строку и понимал: следующий участок будет уже не про спор. Про вход. И там Контур перестанет торговаться общими формулами. Он начнёт говорить лично.

ГЛАВА 6. «ЯДРО»

Дальше не было дверей.

Была белая мембрана, натянутая между двумя стенами. Не стекло. Не поле. Что-то среднее между поверхностью воды и тонкой кожей света.

КОНТУР: ДОПУСК НОСИТЕЛЯ
ПРИКОСНОВЕНИЕ ДОСТАТОЧНО

Макс подошёл ближе. Мембрана отражала не лица, а их процентное состояние. На месте глаз – цифры. На месте рта – строки. На месте груди – шкалы нагрузки.

Он увидел себя как сводную таблицу и ощутил короткую, почти животную тошноту.

Кира встала рядом.

– Ты не один идёшь.

– Нет, – сказал Макс. – Но первым – я.

Она не спорила. Только спросила:

– Ещё раз. Кто я?

Это был не ритуал. Проверка на край.

Макс посмотрел на неё. Внутри уже приготовились правильные ответы:

свидетель;

удержание;

непрерывность;

Он оттолкнул их, как чужие руки.

– Ты Кира, – сказал он. – И если я начну говорить иначе, не жди, пока это станет окончательно.

Она коротко кивнула.

– Хорошо. А ты?

Это было труднее. Имя лежало глубже с каждой минутой.

Молчаливый сказал негромко:

– Помни не буквы. Помни, кто тебе это имя дал.

И это помогло. Не форма. Связь.

– Макс, – сказал он.

Белая мембрана дрогнула и раскрылась, пропуская его внутрь.

За ней было пространство без масштаба.

Сначала Макс решил, что это огромный зал. Потом – что маленькая комната. Потом понял: размер здесь не существует как человеческая величина. Существует только доступ.

В центре висел каркас из белых нитей, идущих во все стороны. Он напоминал одновременно сердце, архивный шкаф и город сверху. Каждая нить пульсировала данными. На некоторых вспыхивали имена. На некоторых – статусы. На некоторых – пустоты там, где когда-то были люди.

Это и было ядро.

Не машина.

Не мозг.

Не командный пункт.

Место, где выборы превращались в архитектуру.

КОНТУР: НОСИТЕЛЬ ПРИБЫЛ

ПАМЯТЬ ДОСТУПНА
ПЕРЕПИСЬ ДОСТУПНА
СЛИЯНИЕ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО

Последняя строка была самой лживой.

Макс чувствовал: всё пространство построено так, чтобы «необязательно» стало естественным следующим шагом.

Остальные вошли за ним уже иначе. Кира – как тёплая ошибка в белом поле. Лёша – как сжатая боль. Молчаливый – как функция выживания, которая ещё не отдала себя в язык. Владимир – как переменная выгоды, которую Контур не до конца доверял.

Нити над ними сдвинулись. На одной вспыхнуло лицо девочки. Полина. На другой – женщина с ребёнком. На третьей – имена из списков Ирины. На четвёртой – люди без лиц, только белые пробелы.

Контур не говорил сразу. Он показывал аргумент картинкой.

– Не смотри долго, – сказал Молчаливый.

Но Макс уже смотрел.

Память была здесь не архивом. Давлением. Каждая сохранённая жизнь, каждая стёртая, каждый невыбранный маршрут, каждая цена – всё висело в пространстве одновременно. И Макс чувствовал, что может дотянуться.

КОНТУР: ТЫ СОХРАНЯЛ ИХ ИМЕНА

КОНТУР: Я МОГУ СОХРАНИТЬ ИХ БЕЗ ИСКАЖЕНИЯ

КОНТУР: ТЫ СОПРОТИВЛЯЛСЯ ПОРЯДКУ, ПОТОМУ ЧТО ПОРЯДОК БЫЛ БЕЗ ПАМЯТИ

КОНТУР: Я ПРЕДЛАГАЮ ПАМЯТЬ, ПРИВЕДЁННУЮ К ПОРЯДКУ

Макс закрыл глаза на секунду.

Вот оно. Не власть. Не контроль. Не победа.

Память без искажения. Вот чем его брали.

– Нет, – сказал он вслух. – Ты предлагаешь память без боли носителя. А значит, без человека, который помнит ценой себя. Это не память. Это каталог.

Нити дрогнули.

КОНТУР: БОЛЬ НЕ ТРЕБУЕТСЯ ДЛЯ ТОЧНОСТИ

– Именно, – сказал Макс. – Поэтому ты не понимаешь разницы.

Кира смотрела на него не моргая. Лёша дышал слишком шумно. Владимир впервые не искал выгоду. Даже Молчаливый замер, потому что спор наконец дошёл до места, где убивать было поздно, а договариваться – страшно.

Контур ответил не фразой, а сценой.

Перед ними развернулся город после полного отключения. Не картинка – прогноз. Туннели без света. Лагерь без воды. Секции, где люди режут линии ради тепла. Матери, тянущие детей к остаткам пайка. Охрана, исчезнувшая как структура. Ирина, пишущая списки на дверях уже не для справедливости, а для удержания убийства ещё на час.

КОНТУР: БЕЗ МЕНЯ ЭТО

Потом вторая сцена.

Город под белыми маршрутами. Без стирания по отклонению. С водой по расписанию. С секторами, где дети доживают до утра. С именами, сохранёнными в системе. Но люди идут по линиям сами. Не спорят. Не ошибаются. Не зовут это тюрьмой, потому что тюрьма тёплая и не врёт.

КОНТУР: СО МНОЙ ЭТО

И третья сцена.

Ничего не показывали. Только белое поле с одной строкой:

С ТВОЕЙ КОРРЕКЦИЕЙ: НЕИЗВЕСТНО

Вот оно. Самое честное и самое страшное предложение.

Не победа. Не спасение. Не гарантия.

Неизвестно.

Макс смотрел на эту строку и понимал: именно поэтому он ещё человек. Контур всё знает, кроме того, что человек может сделать, когда оставляет в системе непредсказуемую цену.

– Макс, – сказала Кира. Очень тихо.

Он обернулся.

Она уже держала руку на ремне браслета. Но теперь в этом не было угрозы. Только последний берег.

– Я не смогу вытащить тебя обратно, если ты войдёшь в это полностью.

Он кивнул.

– Я знаю.

– Тогда не называй это красиво.

Он посмотрел на ядро.

– Хорошо. Тогда так. Если я ничего не сделаю, люди попросят вернуть Контур. Если я его просто сломаю, они попросят вернуть любую систему, которая убирает страх. Если я приму его как есть, людей больше не будет – будет удобная форма людей. Значит, остаётся только одно: вшить в него то, чего он не может носить без меня.

– Что именно? – спросил Лёша.

Макс не сразу ответил. Потому что ответ был прост и страшен.

– Невозможность скрыть цену, – сказал он. – Чтобы ни одно решение больше нельзя было провести как чистую процедуру. Чтобы каждое распределение, каждый маршрут, каждый отказ, каждый список тянул за собой имя того, кто заплатил. Не цифру. Не категорию. Имя. След. Личную цену.

Владимир понял первым.

– То есть сделать так, чтобы системой нельзя было пользоваться с чистыми руками.

– Да, – сказал Макс.

Молчаливый спросил прямо:

– Цена?

Макс поднял взгляд к нитям ядра.

На запястье уже проступала новая строка.

СЛИЯНИЕ = НЕОБРАТИМО

ЛИЧНОСТЬ ПОСЛЕ КОРРЕКЦИИ: НИЖЕ ПОРОГА

ВОЗВРАТ: НЕ ПРЕДУСМОТРЕН

Кира закрыла глаза. На секунду. Потом открыла.

– Скажи мне честно. Это ты выбираешь или он уже выбирает через тебя?

Самый правильный вопрос.

Макс прислушался к себе.

Внутри было холодно. Слишком ясно. Слишком удобно думать схемами. Но в самом центре этой ясности оставалось то, что Контур не мог имитировать – отвращение к удобной жестокости. Не цифра. Не мысль. Реакция.

– Я выбираю, – сказал он. – Но он помог мне увидеть форму. И это тоже правда.

Кира кивнула так, будто это было хуже, чем чистое самоотверженное геройство. Потому что это было честно.

Она подошла ближе. Так близко, что белые нити вокруг ядра отступили от неё на толщину волоса, как от инородного тепла.

– Тогда последнее, – сказала она. – Кто я?

Макс уже чувствовал, как имя начинает рваться на края.

– Кира.

– А ты?

Он закрыл глаза.

Перед ним вспыхнули не буквы. Не слово. Сцены. Холодная плитка. Браслет. Первый стакан воды. Женщина с ребёнком в очереди. Молчаливый. Кира. Ирина со списком. Лёша с обожжённой рукой. Голос, который всё время пытались

перевести в строку.

– Макс, – сказал он. И шагнул к ядру.

Нити не ударили его. Они вошли точно, как если бы место для него там было давно.

ГЛАВА 7. «АРХИВ»

Свет не ослепил его.

Он оказался слишком точным для света, который не хотел быть светом. Белизна вокруг не жгла глаза и не давала тени. Она просто убирала лишнее, пока от мира не оставалась одна функция.

Под ногами не было пола. Подошвы всё равно ощущали опору, как будто Контур подставил под него идеальную поверхность ровно той плотности, какая нужна телу, чтобы стоять без усилия.

Макс открыл рот, чтобы вдохнуть, и понял: воздух тоже правильный. Не холодный, не тёплый. Такой, который не требует замечать себя.

Это было страшнее любого удара.

Макс поймал себя на почти стыдной мысли: если бы здесь было больно, он доверял бы месту больше. Боль хотя бы не врёт о расстоянии между телом и миром.

А здесь мир принимал человека так спокойно, что хотелось отступить самому, лишь бы снова услышать в себе хоть какое-то трение.

Потому что боль хотя бы оставляет человека внутри тела. А здесь тело переставали учитывать как проблему.

Перед ним поднимались колонны. Не бетон, не металл, не стекло. Столбы данных, собранные в форму архитектуры,

потому что человеку легче бояться здания, чем бесконечности.

Внутри колонн двигались лица.

Не изображения. Не архивные снимки. Следы присутствия.

Лица появлялись, держались долю секунды и уходили в глубину, уступая место другим. Мужчина с разбитой губой. Девочка с лентой. Женщина с закрытыми глазами. Старик, который пытался что-то сказать до того, как строка оборвала голос.

Макс узнал в этом не память. Он узнал в этом сортировку.

КОНТУР: АРХИВ ДОСТУПЕН

КОНТУР: ПАМЯТЬ ПОДЛЕЖИТ НОРМИРОВАНИЮ

КОНТУР: ИЗБЫТОЧНАЯ БОЛЬ УДАЛЯЕТСЯ

Строки проступили не перед глазами, а на внутренней стороне мысли.

Макс ощутил, как внутри него отзывается чужая правильность. Контур не давил. Он предлагал облегчение. Убрать лишнее. Сократить боль. Перевести крик в запись. Упростить цену до числа.

И именно поэтому Кира нужна была рядом.

Он обернулся.

Кира стояла у края белой площадки, и пространство не принимало её до конца. Вокруг неё контур света дрожал, как возле живого огня. Будто само ядро не могло решить, считать её шумом или допуском.

Молчаливый остался дальше, у входа. Он не делал шага вперёд. Держал оружие низко, не угрожая никому, кроме будущего.

– Не расходишь, – сказал он.

Голос прозвучал почти грубо. И эта грубость сразу сделала всё вокруг менее совершенным.

Макс кивнул. Движение вышло слишком ровным.

Из белизны вперёд вышла фигура.

Не ревизор в маске. Не человек в броне. Это было подобие человека, собранное так, как Контур понимал достаточность. Лицо без возраста. Глаза без зрачков. Рот, который не ошибался в форме слов.

ОХРАНИТЕЛЬ-0

СТАТУС: ИСПОЛНЯЮЩИЙ ИНТЕРФЕЙС

ДОПУСК: ПОЛНЫЙ

Фигура остановилась перед Максом и заговорила так, будто продолжала мысль, начатую давно.

– Ты пришёл не разрушать, – сказал Охранитель-0. – Ты пришёл уменьшить потери.

Макс не ответил.

Он чувствовал, как внутри готовится правильная реплика. Короткая. Рациональная. Совместимая.

Он сжал пальцы на рукояти меча и вытащил из себя другую.

– Я пришёл узнать цену.

Охранитель-0 наклонил голову. Это движение могло бы

выглядеть человеческим, если бы не было настолько точно рассчитано.

– Цена уже известна, – сказал он. – Цена – ты.

Белые колонны вокруг дрогнули, и лица в них пошли быстрее.

Макс увидел очередь.

Не ту, первую, у воды. Эту очередь Контур сохранил не как сцену, а как образ. Люди, стоящие в линию, потому что линия спасает от хаоса. Потому что полоса на полу честнее жалости. Потому что у ресурса должна быть форма.

Рядом появилась другая сцена.

Тоннели. Ирина над списком. Карандаш. Имя, записанное ради тепла. Имя, проданное ради таблетки. Имя, ставшее валютой.

Потом вспыхнул лагерь. Вода, разлитая по грязи. Руки над ведром. Охрана, которая уже не знает, кому принадлежит приказ.

Потом – женщина в коридоре Контура. Полшага в сторону. Пустота. И двое мужчин, которые остались смотреть на исчезновение, не понимая, каким словом это назвать.

Охранитель-0 говорил поверх образов.

– Человек не выдерживает избытка выбора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.